

Я и Наполеон

Я живу на Большой Пресне,
36, 24.

Место спокойненькое.

Тихонькое.

Ну?

Кажется какое мне дело,

что где-то

в буре-мире

взяли и выдумали войну?

Ночь пришла.

Хорошая.

Вкрадчивая.

И чего это барышни некоторые

дрожат, пугливо поворачивая

глаза громадные, как прожекторы?

Уличные толпы к небесной влаге

припали горящими устами,

а город, вытрепав ручонки-флаги,

молится и молится красными крестами.

Простоволосая церковка бульварному изголовью

припала, набитый слезами куль,

а у бульвара цветники истекают кровью,

как сердце, изодранное пальцами пуль.

Тревога жиреет и жиреет,

жрет зачерствевший разум.

Уже у Ноева оранжереи

покрылись смертельно-бледным газом!

Скажите Москве

пускай удержится!

Не надо!

Пусть не трясется!

Через секунду

встречу я

неб самодержца,

возьму и убью солнце!

Видите!

Флаги по небу полощет.
Вот он! Жирен и рыж.
Красным копытом грохнув о площадь,
въезжает по трупам крыш!
Тебе,
орущему:
Разрушу,
разрушу!,
вырезавшему ночь из окровавленных карнизов,
я,
сохранивший бесстрашную душу,
бросаю вызов!
Идите, изъеденные бессонницей,
сложите в костер лица!
Все равно!
Это нам последнее солнце
солнце Аустерлица!
Идите, сумасшедшие, из России, Польши.
Сегодня я Наполеон!
Я полководец и больше.
Сравните:
я и он!
Он раз чуме приблизился тронем,
смелостью смерть поправ,
я каждый день иду к зачумленным
по тысячам русских Яфф!
Он раз, не дрогнув, стал под пули
и славится столетий сто,
а я прошел в одном лишь июле
тысячу Аркольских мостов!
Мой крик в граните времени выбит,
и будет греметь и гремит,
оттого, что
в сердце, выжженном, как Египет,
есть тысяча тысяч пирамид!
За мной, изъеденные бессонницей!
Выше!
В костер лица!
Здравствуй,

мое предсмертное солнце,
солнце Аустерлица!
Люди!
Будет!
На солнце!
Прямо!
Солнце съежится аж!
Громче из сжатого горла храма хрипи,
похоронный марш!
Люди!
Когда канонизируете имена
погибших,
меня известней,
помните:
еще одного убила война
поэта с Большой Пресни!